

3. Джандосова
**КАЗАХИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ВЕКОВОЙ
РУСИФИКАЦИИ**

В свое время устроитель Туркестанского края, первый российский генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович фон Кауфман на основании многих лет наблюдений и практической работы по внедрению русского языка и русской культуры в инородческую среду сделал вывод о том, что из всех народов Средней Азии киргизы (= казахи) легче других поддаются ассимиляции. Насколько был верен этот вывод?

Исторически сложилось так, что Казахстан как часть Великой евразийской степи стал местом своеобразного *русско-тюркского симбиоза*. В ходе так называемой народной колонизации – то есть, постепенного, начиная с XVII в., освоения русскими – казаками и беглыми крестьянами Поволжья, Приуралья, Южной Сибири, а затем и Казахстана и их расселения чересполосно или в смешении с тюркскими народами, и в частности с казахами, происходило *естественное* становление этого симбиоза. В евразийской степи постепенно образовался новый пласт русского населения со своим особым хозяйственным укладом, сложившимся в новых географических условиях под влиянием местных традиций хозяйствования (больших усилий потребовало, например, освоение русскими переселенцами поливного земледелия). Русское (оседлое) и тюркское (кочевое и полукочевое) население Степи, не будучи изолированным друг от друга, воспринимало взаимные культурные импульсы, что до определенного времени не приводило ни к стиранию прежних этнических стереотипов, ни тем более к ассимиляции одного этноса другим.

В то время этническое самосознание казахов, как, впрочем, и остального населения Средней Азии, было весьма размытым. Доминировала родо-племенная идентификация. Вместе с тем казахи как кочевники, противопоставляющие себя некоему миру, воспринимали себя некой этносоциальной общностью. Быть казахом значило быть кочевником. Долгое время русские и казахи сосуществовали достаточно интровертно. При этом, осваивая Киргизскую степь, русские не чувствовали себя неуютно, воспринимали чужой мир как свой:

“Крестьяне были связаны психологически именно с Россией – “миром”, а не с Российским государством. Но Россия как “мир” не знает границ, она везде, где поселяются русские... Для русских... арена действия – это “дикое поле”, пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами... Как “дикое поле” воспринималась народом любая территория, которая могла рассматриваться как потенциально своя: ее прежняя структурированность игнорировалась... признавались в какой-то степени лишь права туземной общины, т. е. структурированность территории, которая приближалась к “мирской”, и ничто больше”¹.

После поражения Коканда и завоевания Туркестана русскими войсками (50–60-е годы XIX в.) это естественное состояние симбиотического сосуществования двух самостоятельных миров было нарушено сразу несколькими факторами: 1) столкновением русских с иным – некочевым – исламским инородческим миром (“сартами”, получившими у русских презрительное наименование “халатников”); 2) резким ростом числа русских стихийных переселенцев (речь идет о сотнях тысяч человек), который уже не мог не вызвать катастрофического сокращения пастбищного фонда кочевников; 3) *сознательной* политикой ассимиляции, то есть русификации казахов (и прочих “туземцев”), принятой на вооружение российскими колониальными властями (“Русское правительство должно всегда стремиться к ассимилированию туземного населения к русской народности”²²). Эта политика определялась мессианскими иллюзиями (седентаризация кочевников и ассимиляция, понимаемые как цивилизаторство) в не меньшей степени, чем стратегическими интересами России в Средней Азии. Мессианские иллюзии включали в себя представление о том, что инородцам, для того чтобы полностью очеловечиться, надо стать “такими, как мы”.

В то же время резкое преобладание этагистской составляющей над религиозной и решительный отказ от попыток христианизировать Степь делали мало возможной настоящую ассимиляцию. Кауфман, не желая дать населению какого-либо повода для волнения, придерживался четкой линии на игнорирование ислама (мусульманского духовенства и соответствующих школ), “отклонял попытки организовать... прочные мусульманские учреждения, предоставив существующим уже пробавляться, как сами знают”²³. И при Кауфмане, и при Розенбахе запрещалось пускать в Степь как татарских мулл, так и христианских миссионеров. С другой стороны, Кауфман призывал “вводить в Туркестанском крае русскую христианскую цивилизацию, но не стараться предлагать населению православной веры”²⁴.

Кауфман считал, что туземная конфессиональная школа (*мактаб* и *мед-ресе*) исчезнет сама собой по мере того, как взамен ее будут учреждены школы для совместного воспитания русского и инородческого населения, без всякого конфессионального характера и без посягательства на религиозные убеждения мусульман.

Не внедрение православия, а **русифицированное просветительство, тихая русификация** – такова была цель российских колониальных властей в Туркестане. При этом важнейшая роль в этом процессе отводилась школе. Фактическое открытие русско-туземных училищ началось при генерал-губернаторе Розенбахе (1884–1889). Для привлечения туземцев в эти школы признавалось необходимым “преподавание их веры их же муллой”. Несколько лет функционирования этих школ дали определенные результаты. Приведем свидетельство русского путешественника по Средней Азии Евгения Маркова, посе-

тившего, в частности, в 1900 г. Ташкентскую гимназию и Ташкентскую учительскую семинарию и оставившего ряд ценных наблюдений:

“В Ташкентской гимназии уже 250 учеников, из которых 35 живут пансионерами. Я их застал во время обеда и особенное внимание обратил на туземцев. И сартов, и киргиз, к сожалению, всего только шесть человек...

Двух киргизят я видел в гимназическом пансионе и беседовал с ними. Это здоровенные ребята совсем по-видимому, не созданные для школьных парт и греческих спряжений. И, однако, один в шестом, а другой уже в восьмом классе, и оба учатся отлично. Поступили они в гимназию из местных училищ Казалинского и Перовского; говорят по-русски совсем хорошо. Если бы серьезно приняться в этом направлении за всех вообще туземцев наших, недолго бы они оставались нам чужими по вкусам и взглядам. Школа – изумительный реформатор и способна быстро переродить какой угодно народ, если только начнет влиять на него с самого детства (здесь и далее выделено мною. – *З. Дж.*).

В этом отношении городские трехклассные школы уездных городов Туркестана устроены довольно практично и отчасти достигают цели, о которой я говорю. В них дети пребывают не менее шести лет (в каждом классе по два года), а так как при каждой школе устроен пансион, то туземец бывает невольно поглощен русским элементом и незаметно всасывает в себя все русское. В каждой такой школе учатся человек по пяти, по шести киргизов, преимущественно из “белой кости”, то есть родовой киргизской аристократии, надзиратели и руководители школою большею частью назначаются из знающих киргизский язык, что также усиливает влияние школьной жизни на туземцев. Всех русско-туземных школ считается теперь около тридцати. Кроме того, и в киргизских селениях есть уже немало школ с русским языком, подготовляющих киргиза к дальнейшим ступеням обрусения и цивилизации...

Все это показывает, какими серьезными образовательными силами снабжена Т. У. С., значение которой нельзя приравнять к учительским семинариям наших внутренних губерний.

Здесь ее призванье не только педагогическое, но отчасти политическое, так как она prepares в своих классах будущие духовные связи местного мусульманства с Россией. Каждый воспитанник семинарии есть будущий учитель сельской школы, стало быть, главный деятель по привитию туземцам русского образования, русской гражданственности. Удачно подготовленный учитель – это своего рода маленькая духовно-завоевательная область в обширных пределах наших внешних завоеваний, еще совершенно чуждых нам по духу”⁵.

При этом русская администрация Туркестанского края, в которую входило несколько профессионально подготовленных востоковедов (А. Л. Кун,

Н. П. Остроумов, В. П. Наливкин), выделяя все оседлое население как сартов, а все кочевое – как киргизов (*киргиз*), в своих ассимиляторских надеждах старалась принимать в расчет большие этнические, конфессиональные, локально-территориальные и этнопсихологические различия между туркестанским аборигенным населением. Поначалу считалось, что оседлое население Туркестана – (узбекязычные) сарты – более подготовлены к восприятию русского языка и культуры. Первый (Кауфманский) проект устройства учебного дела в Туркестане (1871 г.) предусматривал “ввиду существующих коренных различий в нравственной и общественной жизни сартов и киргиз” открывать в местностях с киргизским населением учебные заведения иного, более **низкого** типа, чем в городах и селениях (речь идет о начальных школах грамотности). Однако мнение комиссии по подготовке этого проекта о том, что сарты более подготовлены к усвоению русской культуры, не оправдалось – киргизы в **гораздо** большем числе, чем сарты, поступали в учебные заведения с более продолжительным курсом и более обширной программой. Это было, очевидно, связано с меньшим влиянием ислама и менее прочными традициями исламской образовательной модели в казахской среде.

Тот же Е. Марков в 1900 г. подметил такую особенность отношения к русско-туземным школам в Туркестане:

“Киргизы охотнее поступают в русские учебные заведения, потому что более доверчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Бог знает какие строгие. Но сартское духовенство ожесточенно, хотя и втихомолку от нас, воюет с теми из своих, кто решается отдавать детей в русские школы. Фанатики-муллы уверены, что этим путем мы мало-помалу переманим всех сартов в христианство...”

Среди 58 воспитанников семинарии – сартов только один, киргизов девять. Это и немудрено, потому что в семинарию поступают только воспитанники городских училищ, а в Ташкентском городском училище нет ни одного сарта.

Это окончательно должно убеждать нас, что сарты принципиально и упорно уклоняются от русского образования. Как люди, гораздо более развитые, чем киргизы, и уже привыкшие уважать образование в формах, им привычных, они, конечно, могли бы гораздо вернее киргиза оценить несомненные практические преимущества многостороннего русского образования над исключительно религиозным обучением магометанской школы. Тем более, что в Т. У. С. сверх всего другого обязательно изучаются языки сартов (то-есть татарский) и таджиков (то-есть персидский).

И если тем не меньше, вопреки корыстным инстинктам своей природы, они все-таки не стремятся овладеть этим важным практическим орудием, которое необыкновенно облегчило бы им конкуренцию с людьми русского племени

во всех отраслях торговой, промышленной и даже служебной деятельности, то, конечно, причину этого надо видеть исключительно в их религиозной нетерпимости, в строгом запрещении мусульманским духовенством опасного для него смешения в одной и той же воспитательной среде мусульманина с христианином.

Сарт, к несчастью, исстари имеет свое, хотя и жалкое, образование, свою собственную, хотя и скудную, литературу, свою собственную систему, хотя и никуда негодных, школ. Он и держится за них, как за знамя своей народности, своей религии, своей истории, и думает, что отступит от них. Пройти чрез русскую школу – значит ни больше, ни меньше, как изменить всему прошлому своему, всем заветам своих отцов.

Киргиз же, дитя степей, дитя природы, почти не имеет ни настоящей религии, ни государственной истории, а тем менее какой-нибудь системы образования. Поэтому он не чувствует на своей душе тех нравственных тормозов, которые крепко держат сарта в привычках его исторического прошлого, и легче поддается расчетам настоящей минуты”⁶.

Таким образом, основную причину большей, по сравнению с оседлым населением, подверженности казахов процессам ассимиляции и русификации русские видели в недостаточном влиянии ислама на духовную жизнь кочевников и отчасти в самом их образе жизни.

Проверку этой концепции дала трагическая история казахов в советский период.

Обвальная русификация казахов в советское время оказалась связана не столько с навязываемой идеей интернационализма (за которой скрывалась идея русской гегемонии) и тотально насаждаемым атеизмом, сколько с трагедией частичной утраты казахами своей этничности после полного перевода их на оседлость и исчезновения кочевого хозяйства (социалистическое отгонно-пастбищное животноводство вряд ли может считаться его адекватным заменителем). Советская власть наследовала российской колониальной власти в отношении к кочевому хозяйству как к безнадежной архаике и вслед за колониальными властями XIX – начала XX в. однозначно рассматривала седентаризацию как социальный прогресс. Установка на массовое оседание кочевников воспринималась как аксиома. Насильственный перевод казахов на оседлость, а затем массовая смерть от голода более двух миллионов человек (по некоторым современным оценкам, сокращение этноса вполовину) привели к тому, что произошла массовая маргинализация казахов как этнической общности. Это усилило происходившие ранее процессы вытеснения за пределы социума лишившихся скота и возможности кочевания казахов. Маргинализация, в свою очередь, вызвала резкий приток казахской молодежи в город.

Именно в городах процессы русификации (и – шире – европеизации) происходили наиболее интенсивно. Этому способствовало и то, что некоторые города (Прииртышье, Северный и Восточный Казахстан) изначально формировались как русские крепости, и то, что другие стали в советское время интернационально осваивавшимися индустриальными центрами (Караганда, Джезказган). В наибольшей же степени русификация коснулась столицы – бюрократического и вместе с тем культурного центра Казахстана.

Та часть казахов, которая в предреволюционные времена училась в русских школах, а потом оказалась в числе установителей советской власти, составила костяк новой казахской бюрократии. Давно подмечено, что в любом колониальном городе, будь то Калькутта XIX в. или Вавилон эпохи эллинизма, любой честолюбец “из местных” стремится прежде всего овладеть языком и культурой колонизаторов, ибо для него это единственное условие карьеры. Когда это явление приобретает массовый характер, возникает местная элита со своим особым мировоззрением, синтезирующим местные представления и обычаи с новыми ценностями, привнесенными представителями иных цивилизаций. И хотя эта элита переходит на язык колонизаторов, она не сливается с ней, а, напротив, творит совершенно новую цивилизацию, отличную от той, какая получилась бы, продолжай они вариться в собственном соку, и не повторяющую даже отдаленно ту, что, кажется, была взята за образец. Это аксиомы так называемого “колониального синтеза”. Но в XX в. с его масштабными социальными экспериментами и войнами культурный синтез часто оказывался особенно непредсказуемым и изощренным, а миграционные потоки – прежде невероятными. Поэтому культурный синтез, в течение двух веков создававший нацию казахстанцев на той земле, что долго была землей казахов, был достаточно оригинальным.

До революции основные миграционные потоки с северо-запада в Казахстан включали первичные казачьи заселения края (200 тыс. чел.), поселение воинов с семьями при построении военных укреплений вдоль линий колонизации (Горькая, Иртышская, Яицкая линии) (125 тыс. чел.), массовое переселение крестьян из Европейской части России (к 1914 г., включая земельные реформы Столыпина, в общей сложности 1 млн. 150 тыс. чел.). Сюда же следует добавить религиозных изгнанников из внутренней части России – староверов, кержаков и баптистов (150 тыс. чел., конец XIX – начало XX в.).

Переселенцы начальной советской поры – это насильственно раскулаченные (250 тыс. человек, 20–30 гг. XX в.), военные беженцы из сопредельных Сибири, Урала и Поволжья в годы гражданской войны (100 тыс. человек), приехавшие по организационному набору в годы индустриализации (1 млн. 250 тыс. человек, 30-е гг. XX в.).

Накануне и в годы Великой Отечественной войны в Казахстан были депортированы поволжские немцы, ингуши, чеченцы и другие народы (1 млн. 300 тыс. человек, 1939–1945 гг.). Из оккупированных районов в республику было эвакуировано 350 тыс. человек. Многие потом остались на постоянное жительство в Казахстане. То же можно сказать и об узниках ГУЛАГа, тысячи из которых, пройдя лагеря, оставались в республике “на вечное поселение” и не вернулись в Россию даже после реабилитации.

В послевоенную эпоху русскоязычное население резко увеличилось за счет добровольцев, приехавших на освоение целины (1 млн. 950 тыс. человек, 1954–1959 гг.), а также за счет “неорганизованного” стихийного миграционного притока (около 1 млн. человек) и ведомственной миграции трудовых ресурсов на ударные всесоюзные стройки (200 тыс. человек) до начала 70-х гг. “Стратегическое население” в закрытых военных городках в 1946–1991 гг. составляло не менее 250 тыс. человек.

Последние вахтовики (около 50 тыс. человек) прибыли на новоосваиваемые месторождения в 1986–1991 гг.⁷ В 1962 г. удельный вес казахов в населении республики упал до 28,9%, тогда как удельный вес славян поднялся до 57%⁸. Официально по переписи 1959 г. казахов было около 30%. Именно в этот период советская национальная политика, направленная на ассимиляцию коренных народов СССР путем тотальной русификации, достигла в Казахстане своего апогея. (Лишь мощный демографический взрыв у казахов позволил им к концу 60-х гг. восстановить свою численность).

В последние годы в Казахстане появились военные и этнические беженцы из Закавказья и Средней Азии, а также гражданские мигранты из Прибалтики и Молдовы (не менее 75 тыс. человек). Возникла афганская диаспора, присутствие которой весьма заметно в казахстанском мелком бизнесе.

Итак, сначала потомки солдат и казаков, столыпинских переселенцев, искателей золота и прочих джентльменов удачи, потом добровольцы, ссыльные, эвакуированные... Но если первые потоки состояли из людей, уходивших от государства часто вопреки его воле, намеревавшихся навсегда осесть во вновь осваиваемом крае, то переселенцы советской эпохи, зависимые от воли и надзора государства, были или считали себя людьми временными на этой земле. Самопроизвольный (симбиотический) контакт с местным населением был отодвинут на задний план контактом плановым, поднадзорным, подведенным под идеологическое клише. Чувство профессионального превосходства (на промышленные предприятия местных, как правило, не принимали на квалифицированную работу), старшинства, избранничества, характерное для русских в Казахстане и на Востоке в целом, находилось в русле традиционного русского мессианства в сочетании с гордостью первопроходцев – строителей нового строя. При этом, как пишет С. А. Панарин, “худшие из русских... нередко считали себя

на голову выше всяких там “черных”, “чуреков”, “урюков” и т. д. Верили в свое качественное превосходство простодушно и неколебимо... Получалось, что худшие, без колебаний принижая этнокультурную индивидуальность народов Востока, как минимум, ее признавали; тогда как лучшие, движимые, казалось бы, прекрасными побуждениями, вообще игнорировали этническую самость и цивилизационную неповторимость восточных соседей”⁹.

Идея создания искусственной “новой исторической общности – советского народа” полностью игнорировала национальную, этническую самость нерусских народов и предполагала превратить русский язык в родной язык всех жителей СССР. Исподволь проводимая (не декларируемая в эпоху торжества пролетарского интернационализма) русификация шла теперь не через одну только школу, как во времена Кауфмана, но и путем внедрения русского языка во все без исключения сферы общества – от базара до ЦК. По закону 1959 г. казахские родители получили право выбора школы по языку обучения. Ради “лучшей доли” своих детей родители предпочитали отдавать их в русские школы. В течение 1950–1970-х гг. были закрыты 1314 казахских школ¹⁰. К концу семидесятых годов в Алма-Ате – наиболее показательном в отношении русификации городе – было всего две казахских школы. Дети-казахи должны были изучать в младшей школе казахский, но дефицит (и, как следствие, чехарда) учителей, слабость учебников и всеобщее отношение к предмету как к самому второстепенному делали свое дело. (К примеру, в нашей языковой (английской) школе в 1972 г. к концу первого года обучения казахскому языку мы, четверо казахов нашего класса, оставляемых в конце учебного дня, когда все одноклассники разбегаются по домам, изучать родной язык, могли с успехом обменяться лишь фразами типа: Мынау не? – Мынау алма (Это что? – Это яблоко)).

Вернемся к тезису о колониальном синтезе. Очевидно, что развитие Алма-Аты как не русского, но русскоязычного города было естественным в тот период, когда город переживал подъем, превращаясь из захолустной дыры в столицу, когда город строился людьми разной крови, которым был нужен общий язык для общения. То же можно сказать о большей части других казахстанских городов. Да, казахская Степь стала русской, российской колонией, и поэтому естественно, что языком общения, бытового и делового, стал русский. Естественно также, что в эпоху всеобщего среднего образования русский стал главным language of instruction – не только из-за многонационального облика массы школьников, но и от почти полного отсутствия учителей-казахов, говорящих на родном языке. Естественно, что, как и во всяком другом городе, являющемся эпицентром колониального синтеза, полное овладение языком метрополии стало главным условием получения приличного образования и, в конечном счете, карьеры. Жизнь казахов в советскую эпоху естественным образом строилась на русской цивилизационной основе.

Но эта “естественность” не может заслонить очевидный факт критических изменений в судьбе казахского языка и этноса в целом. Прибывая в города, казахи вынуждены были осваивать иные, чуждые им культурные ценности и стереотипы, социальные роли и образ жизни, присущие как собственно городской субкультуре, так и культуре доминирующей городской этнической группы – русских. В то же время сам “совхозный” аул переживал очевидную деградацию. Лишенные скота и возможности традиционного кочевания, составлявшего еще так недавно основу национального мировоззрения и самоидентификации этноса, малограмотные сельские казахи не могли повлиять на языковую и культурную ситуацию. В последующих поколениях городские казахи стали являть собой субъекты причудливого сочетания разноплановых культурных ориентаций.

Крушение кочевой системы и тотальная русификация как советский вариант колониального синтеза привели к фактической дестнизации значительной части городских казахов и к глубинному расколу в обществе – резкому отличию городской русскоязычной элиты от сельских казахоязычных париев.

Физическое уничтожение в годы репрессий казахоязычной элиты, в том числе выдающихся писателей, философов, просветителей, сопровождалось выдвижением на роль национальной научно-творческой интеллигенции (непрерывного сектора советского номенклатурного истеблишмента) людей с по сути ликбезовским багажом¹¹. Узурпировав те немногие области, в которых казахский язык продолжал функционировать (например, литературу), эти люди не способствовали его развитию как языка мысли и знаний. Если в 20-е годы в Казахстане еще создавались оригинальные учебники, в том числе и по естественным и точным наукам (например, прекрасный учебник ботаники М. Кудерина), то, начиная с 30-х гг., все учебники оказались переводными, причем русским терминам фактически не подбирался казахский эквивалент. Они вводились в казахский текст по большей части без перевода. В результате казахский язык оказался вытеснен из сферы науки, культуры и экономики в бытовую, “домашнюю” сферу.

В конце 1996 г. Информационно-аналитический центр парламента РК совместно с Государственным комитетом по национальной политике провел социологическое исследование ситуации в Казахстане. Оно ставило задачи определения места государственного (казахского) и других языков в социально-коммуникативной системе общества, степени владения населением казахским, русским и родными языками, предпочтений в использовании языков в различных сферах жизни, состояния обучения языкам. Это *официальное* исследование выявило:

1) ослабление позиций государственного языка по сравнению с началом 1990-х г. (бум этнизации, связанный с распадом Союза): “некоторый подъем в

изучении, распространении и использовании казахского языка, наметившийся в начале 90-х, сегодня заметно спал”;

2) положение государственного языка остается второстепенным, русский язык практически не только выполняет функции языка межнационального общения, но и по-прежнему доминирует во всех сферах применения, начиная с семьи;

3) информация о степени владения государственным языком получена из самооценок, которые, как правило завышены; с учетом этого данные опроса, проведенного по репрезентативной выборке, в том числе в казахских областях и сельской местности, свидетельствуют о том, что по крайней мере 96% казахов считают, что владеют родным языком (за порог принимается категория тех, кто может на нем объясняться)¹²;

4) в казахоязычных областях государственный язык укрепляет свои позиции при неснижающемся распространении русского, в то время как в русскоязычных областях и в городах последний доминирует и теснит казахский;

5) на письменном уровне казахи владеют русским языком лучше, чем родным; у подавляющего большинства сложилось казахско-русское двуязычие;

6) в общении в кругу семьи у казахов преобладает русский язык;

7) в качестве средства межэтнического общения используется русский язык;

8) казахская языковая среда в чистом виде существует только в половине казахских семей;

9) в применении средствами массовой информации и литературой русский язык доминирует; наиболее слабы позиции казахского языка в области специальной и профессиональной литературы;

10) русские испытывают затруднения в связи с незнанием государственного языка в меньшей степени, чем сами казахи, в связи с тем, что во многих трудовых коллективах сложилась такая практика, когда некоторые профессиональные или должностные обязанности, связанные со знанием родного языка, возлагаются на этнических казахов, которые чаще всего испытывают затруднения в исполнении этих обязанностей в связи со слабым знанием¹³.

Вместе с тем государственный язык продолжает употребляться в казахоязычных трудовых коллективах как во вновь создаваемых частных фирмах, комплектуемых чаще всего по национальному признаку, так и в иных трудовых коллективах с преобладанием казахоязычных казахов (администрация вплоть до верхних эшелонов власти, милиция и т.п.) и является своего рода шифрованным языком, арго, используемым для сокрытия информации от присутствующих русскоязычных.

Казахский язык превратился в язык сельского населения (включая горожан в первом поколении), в свою очередь во многом маргинализованного и

даже люмпенизированного; негативным фактором, усиливающим выдавливание казахского языка из сферы науки, культуры, образования и информации, является крайне тяжелое ныне положение казахских сельских школ (отсутствие не только учителей и учебников, но света, тепла, зданий).

Русский язык абсолютно доминирует в сфере образования (в том числе высшего), информации и культуры. Русские казахи находят применение своим знаниям именно в этих определяющих областях. Наиболее успешные фирмы создаются, как правило, русскими казахами, имеющими более высокое образование, владеющими западными языками и т. п., но при этом укорененными в казахской родо-племенной системе и поддерживаемыми своими кланами (феномен, получивший в казахстанской прессе название “экономика племянников”).

Нельзя сказать, что проблема государственного языка замалчивается в Казахстане. Закон “О языках” и конституционный статус обоих языков вызвали живое обсуждение в прессе (1996–1998 гг.). Статус казахского языка определен как государственный. О русском языке в п. 2 ст. 7 Конституции РК сказано: “В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык”. Реальная ситуация свидетельствует, однако, о том, что при существующем положении вещей казахский язык продолжает присутствовать в основном в бытовой сфере и его применение в иных сферах весьма казационально.

Не только для советского времени, но и для сегодняшнего дня характерно отсутствие хороших учебников казахского для русскоязычных детей и *методистов-преподавателей* не самого простого в фонетическом и грамматическом плане государственного языка, не имеется и специальных программ по созданию режима благоприятствования ему. Институт языкознания Академии наук в течение почти пяти десятилетий (с 1954 года!) не переиздавал “Казахско-русский словарь”, не говоря о подготовке и издании нового словаря. Даже сейчас в независимом Казахстане, когда, казалось бы, государственная политика уже никак не связана с традициями колониализма, когда русские вынуждены продавать жилье и ехать на чужбину, покидая родину, нормальных учебников казахского языка практически нет, повсеместного массового изучения его не организовано. Пятиминутные программы “Изучаем казахский язык” на телевидении смехотворны, поскольку бессмысленны особенно для таких языков, как тюркские. До сих пор не существует методически выверенных видеокурсов казахского, а имеющиеся аудиокурсы мало приспособлены для самостоятельного изучения языка. Отдельные исключения (типа школы “ШИИК”) являются инициативой снизу и мало могут повлиять на общую картину.

В 1998 г. в городских школах в выпускном классе экзамен по государственному языку сдавался в виде диктанта (т. е. не идет даже речи о навыках

свободной речи, владения диалогом, монологом и т. п., о сколько-нибудь приличном знании грамматики, о владении письмом). По данным проведенного нами опроса учеников младших и старших классов одной из алма-атинских гимназий казахский язык – **нелюбимый предмет** (тогда как любимый – английский).

При этом казахская пресса продолжает упрекать в незнании государственного языка не только русских, но и подвергает бесконечным нападкам так называемых “манкуртов” и “детей асфальта” – то есть тех казахов, которые выросли в русскоязычном городе, учились в русскоязычной школе, потом в русскоязычном институте или университете и теперь говорят и мыслят по-русски, а не по-казахски. При этом априори предполагается, что утрата языка тождественна утрате этнического самосознания.

Между тем не найдется, вероятно, ни одного казаха из поколения “детей асфальта”, который не считал бы себя казахом и **чувствовал бы себя русским**. Позиция националистов из “Ана тілі” (“Родной язык”) и других истеричных газет такого рода – это неблагородная позиция битья лежачего¹⁴. Люди, по-настоящему обеспокоенные кризисом своего народа, не могут подвергать каждодневному остракизму самую образованную часть его, какой волей-неволей стали русскоязычные молодые казахи, получившие образование в самой Алма-Ате, а также в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Харькове, Новосибирске (а в последние годы и в далеком зарубежье), благодаря знанию русского (а также, например, английского) языка. Единственная разумная позиция в этой ситуации – это реальная помощь этому (и следующему) поколению городских казахов в изучении литературного государственного языка **как иностранного** с соответствующей научной разработкой проблемы. Нужна мощная государственная программа поддержки казахского языка, которая включала бы:

- 1) разработку современных, то есть интересных для детей и методически грамотных учебников на всех уровнях;
- 2) разработку методик преподавания казахского как иностранного по всем аспектам – от начального фонетического до интенсивного разговорного курса;
- 3) разработку программ и методик для интенсивных языковых курсов для взрослых;
- 4) подготовку грамотных, имеющих общефилологическую подготовку учителей.

Учителя, равно как и чиновники Госкомитета по национальной политике и иные официальные лица, от которых хоть сколько-нибудь зависит решение проблемы казахизации Казахстана, должны владеть представлением о месте государственного языка в системе мировых языков и об особенностях тюркской грамматики вообще, представлением о фонетических и грамматических трудностях, возникающих у русскоязычного человека при изучении казахского.

Идеология этой проблемы, впрочем, ясна – дело за методологией и технологией ее решения (спорным до настоящего времени является, например, вопрос о том, следует ли и возможно ли изобрести и внедрить естественно-научную и техническую терминологию на казахском, и вообще возможно ли в принципе функционирование казахского в сфере науки и техники, а также политики и международных отношений¹⁵).

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в начале данной статьи, следует сказать: да, казахи оказались наиболее ассимилированным русскими народом Центральной Азии. Тому было много причин, начиная от этнопсихологических особенностей и кончая планомерной политикой имперского Центра. Отсутствие прочной традиции исламского образования и непривязанность степняка к конкретике, означавшая его большую открытость для влияний, привели к гораздо большему в сравнении с соседними народами принятию казахами общесоветской атеистической идеологии. Деэтнизация казахов, связанная с утратой языка, так сказать, лингвистическая, стала следствием насильственного оседания кочевников, общей советской унификации народов под эгидой “старшего брата”, и продолжавшейся около ста лет преднамеренной русификации казахов. Переход на неорганичную для казахов оседлость означал общую маргинализацию и принятие подавляющим большинством городских (во втором и третьем поколении) казахов облика “русских” казахов. В настоящее время государственный язык перестал быть языком всех казахов и как средство коммуникации используется лишь частью этноса. Однако при этом самоидентификация казахов как нации не только не утрачена, но усилилась после достижения Казахстаном суверенитета. Казахами ощущают (т. е. самоидентифицируют) себя и казахоязычные, и русскоязычные (“русские”) казахи. Утрата языка не означала утраты национального самосознания. Косвенным свидетельством этого является, например, наличие в Казахстане мощной русскоязычной прессы, выражающей интересы молодой казахской финансовой и промышленной, а также научной и культурной элиты, по большей части – казахской по крови. Если наблюдаемое сейчас развитие демографической ситуации в пользу казахского этноса (эмиграция как русских и украинцев, так и большей части депортированных народов, в первую очередь, полутора миллионов немцев; традиционно более высокая рождаемость у казахов по сравнению с русскими) будет поддержано государственным финансированием языковых программ¹⁶, то вполне вероятно, что через несколько десятилетий ситуация может измениться в пользу казахского языка. В противном случае мы окажемся свидетелями уникального феномена – государства русских казахов, являющихся большими роялистами, чем сам король.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Лурье С. В. Геополитическая организация пространства экспансии и народная колонизация // Цивилизации и культуры. – Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М., 1996. – С. 179–180.

² Остроумов Н. К. К истории народного образования в Туркестанском крае. – Т., 1895. – С. 111.

³ Терентьев М. История завоевания Средней Азии. – Т. III. – С. 271.

⁴ Там же.

⁵ Марков Е. Россия в Средней Азии. – СПб, 1901. – Т. 1. – С. 501–502.

⁶ Марков Е. Указ соч. – С. 503–504. О проектах русского образования в крае, о русско-туземных школах и связанном с ними кругом вопросов см. также: Остроумов Н. К. Колебания во взглядах на образование у туземцев в Туркестанском крае // Кауфманский сборник. – М., 1910. и VII главу (Школа) “Истории культурной жизни Туркестана” Бартольда В. В. // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. II. – Ч. I. С. 297–318.

⁷ Все вышеприведенные цифры взяты из монографии: Абдыгалиев Б. Россия и казахстанские русские. – Алматы, 1997. – С. 13–14.

⁸ Аренов М. “Кто же мы такие – казахстанцы?” // Казахстанская правда. – 12.12.97.

⁹ Панарин С. А. Восток глазам русских // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Часть I. – М., 1993. – С. 70–72.

¹⁰ По данным, приведенным в упомянутой статье Аренова М.

¹¹ Соглашаюсь с мнением, высказанным Сулеевым Ж. в статье “Еще раз о разгуле “чуркизма””, напечатанной в газете “Казахская правда”, № 6, 1998. Poleмический запал статьи вызвал резкую критику (например, Гани Есмагамбет в № 8, 1998 той же газеты писал, обращаясь к Сулееву Ж.: “Я своим ликбезовским умом так понимаю, что Вы в помойку... выплескиваете великого Мухтара Ауэзова...”). Оставшиеся в живых казахские писатели, в том числе Мухтар Ауэзов, к сожалению ничего не смогли сделать для предотвращения катастрофы, происходящей с казахским языком.

¹² Подавляющее большинство городской казахской молодежи (разумеется, за исключением выходцев из села в первом поколении) в настоящее время не знает государственного языка. Официальная статистика, по данным которой в настоящий момент 74,4% казахов свободно говорят, читают и пишут по-казахски, а еще 14,4% свободно говорят и читают, но не могут писать, искажает эту истину, поскольку проводит исследование по репрезентативным выборкам и основывается на самооценках. Следует также учесть, что казахи и в советское время при проведении всесоюзных переписей писали, что казахский язык является родным языком и для них самих, и для их детей (97% по переписи 1979 г.).

¹³ Данные исследования опубликованы в газете “Казахстанская правда” в декабре 1996 г.

¹⁴ Газета “Ана тілі” является органом общества “Казак тілі” (“Казахский язык”). Ставя своей целью внедрение государственного языка, каким по закону “О языках” и Конституции РК является казахский, в жизнь, газета пером своих авторов апеллирует в основном к совести, чести, самосознанию русских (последнее слово как прилагательное) казахов. Лишь в последнее время заметны некоторые подвижки в позиции газеты. В № 30 (433) от 30 июля 1998 г. на русском языке было напечатано Обращение ко “всем русскоязычным казахам” под названием “Казах с казахом должен говорить на казахском”, подписанное группой известных писателей-казахов, чьим рабочим языком является русский (среди них сын Мухтара Ауэзова Мурат Ауэзов). В Обращении по крайней мере признается “невиновность” среднего (“Как же можно требовать от такого человека, чтобы он на пятом или даже шестом десятке жизни начал изучать казахский язык? А если у него нет навыков, способностей к изучению языков вообще?”) и даже младшего (“вне дома просто-напросто стесняются говорить на родном языке, поскольку во всех дворах и школах говорят по-русски”) поколения казахов. Однако и это Обращение игнорирует проблему казахского языка как социо-лингвистического феномена и лишь призывает любить и изучать язык, “как бы это ни было трудно”.

¹⁵ В вышеупомянутой статье Сулеева Ж. приводятся факты, свидетельствующие о крайне невысоком уровне перевода на государственный язык поступающей в редакции казахскоязычных СМИ информации на русском и английском и о существующей проблеме заполнения казахскоязычного теле- и радиовещания (по закону до 50% времени вещания должно быть на казахском). Автор резко пишет о том, что “расширение прав казахского языка в направлении его вывода на официальный уровень при нынешней реальности означает лишь увеличение возможностей для него быть “изнасилованным” в еще более безобразной форме сонмом невежественных казахских ликбезовцев”.

¹⁶ В настоящее время социально-экономическая ситуация в Казахстане вряд ли позволит выделить из бюджета требуемые суммы. Понимание этого приводит к выдвижению контрпредложений, например, предоставления налоговых льгот фирмам, ведущим делопроизводство на казахском (Шакиржанов Д. Тощий казахский язык и упитанное “Казак тілі”// Казахская правда. – 1998. – № 8). При кажущейся простоте решения проблемы это предложение так же утопично, как упования на совесть русских казахов, ибо делает ставку все на то же самостоятельное изучение языка.